

М.А. Ядова^{*}

ТРУДОВЫЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (ОБЗОР)

Аннотация. Целью настоящей работы является анализ на основе данных ряда социологических и социально-экономических исследований трудовых и адаптационных стратегий, используемых российской и зарубежной молодежью в условиях пандемии COVID-19. Приводятся результаты проведенных автором индивидуальных глубинных интервью с молодыми людьми об их адаптационных стратегиях в условиях локдаунов. Показано, что для многих представителей нового поколения в России и за рубежом пребывание в режиме самоизоляции стало временем не только ограничений, но и новых возможностей. В то же время существенная часть молодежи почувствовала себя «проигравшей пандемии», столкнувшись с потерей работы, финансовыми трудностями или понижением своего социально-профессионального статуса.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; трудовые и адаптационные стратегии; молодежь; постсоветское поколение; социальные ресурсы.

Для цитирования: Ядова М.А. Трудовые и адаптационные стратегии молодежи в период пандемии COVID-19 (Обзор) // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 1. – С. 158–166.

M.A. Yadova
**Labor and adaptation strategies of youth
during the COVID-19 pandemic (Review)**

Abstract. The aim of this paper is to analyze the labor and adaptation strategies chosen by Russian and foreign young people in the context of the COVID-19 pandemic based on data from a number of sociological and socio-economic studies. The results of a series of individual in-depth interviews conducted by the author with representatives

---

* Ядова Майя Андреевна, канд. соц. наук, заведующая Отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); m.yadova@mail.ru

Yadova Maiya Andreevna, PhD (Soc. Sci.), Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); m.yadova@mail.ru

of post-Soviet youth about their adaptation strategies in the context of lockdowns are presented. It is shown that for many representatives of new generations in Russia and abroad, the period of self-isolation has become a time of not only limitations, but also new opportunities. At the same time, a significant proportion of young people felt “lost to the pandemic”, facing job loss, financial difficulties or a decline in their socio-professional status.

Keywords: COVID-19 pandemic; labor and adaptation strategies; youth; post-Soviet generation; social resources.

For citation: Yadova M.A. Labor and adaptation strategies of youth during the COVID-19 pandemic (Review) // Economic and social problems of Russia. – 2024. – No. 1. – P. 158–166.

Введение

По данным Международной организации труда, вызванная пандемией рецессия стала самым серьезным кризисом занятости, с которым пришлось столкнуться молодежи в новом тысячелетии [ILO … , 2021]. В целом в 2020 г. уровень безработицы среди молодежи моложе 25 лет был гораздо выше (8,7%), чем в более старших возрастных группах (3,7%) [ILO … , 2021, р. 4]. При этом молодые женщины чаще мужчин сталкивались с потерей работы. К тому же за годы пандемии сильно выросла доля тех, кто относится к категории NEET-молодежи (в переводе с англ. «не работает, не учится и не стажируется» = not in Employment, Education or Training), и до настоящего момента этот показатель не вернулся к докризисному уровню [ILO … , 2021, р. 9–10]. Часть молодежи не смогла завершить образование из-за материальных проблем и сложностей с доступом к онлайн-обучению. По оценкам ЮНЕСКО, 24 млн детей и подростков из-за пандемии не были в состоянии закончить даже образование в школах. Данная тенденция особенно характерна для беднейших стран Афро-Азиатского региона и Латинской Америки [ILO … , 2021, р. 11].

В докладе Всемирного банка по итогам пандемии COVID-19 говорится о том, что ее последствия существенно осложнили транзит от юности к взрослости и оказались катастрофическими для накопления человеческого капитала [Collapse & Recovery … , 2023]. Закрытие одних школ и проблемы с дистанционным обучением в других привели к тому, что учащиеся забывали то, чему они научились ранее. По прогнозу некоторых ученых, в результате негативного влияния пандемии на сферу образования сегодняшняя молодежь может потерять в будущем около 10% заработков. В конце 2021 г. около 40 млн человек, включая молодые поколения, пострадали от вызванной пандемией безработицы. Во многих странах в 2021 г. примерно четверть юношей и девушек можно было отнести к категории NEET [Collapse & Recovery … , 2023].

В настоящей работе поставлена задача проанализировать наиболее распространенные трудовые и адаптационные стратегии, которые выбирала российская и зарубежная молодежь в период коронавирусного кризиса.

Молодежь перед вызовами пандемии: приспособление или управление?

Пандемия COVID-19 существенно трансформировала пространство повседневных и трудовых практик. Сегодня важно оценить масштаб и характер этих изменений, выделив наиболее адаптированные к последствиям пандемии социальные группы.

Данные актуальных социально-экономических исследований позволяют определить трудовые и адаптационные стратегии, предпочтаемые российской и зарубежной молодежью в условиях пандемии COVID-19. Особого внимания заслуживают результаты исследования британских социальных исследователей Р. Макдональда, Х. Кинг, Э. Мерфи и В. Джилл, которые попытались выяснить, как пандемия повлияла на молодежный рынок труда в Великобритании [The COVID-19 pandemic ..., 2023]. Их исследование осуществлялось в два этапа: на первом этапе (2020) проводился опрос 19–30-летних британцев (школьников, студентов колледжей и университетов, начинающих специалистов; N=946), на следующем этапе (2021) с некоторыми респондентами (N=35) была проведена серия индивидуальных глубинных интервью. Также участниками исследования стали социальные работники, занимающиеся проблемами молодежи, и представители рекрутинговых компаний, которых опрашивали респондентов в рамках нескольких фокус-групп.

Как выяснили Р. Макдональд и его коллеги, работающие молодые британцы, особенно те, кто трудился в сфере розничной торговли или гостиничного бизнеса, нередко попадали под «пандемийные» сокращения или по требованию работодателей уходили в вынужденный отпуск. Опрошенные HR-специалисты¹ отмечали, что в период пандемии значительно возросло число молодежных заявок на вакансии «начального» уровня, что создало плодотворную почву для потенциальной прекаризации² молодых работников [The COVID-19 pandemic ..., 2023]. Некоторые юноши и девушки были готовы подвергать себя опасности, интенсивно работая в периоды локдаунов. Однако сознательный «демпинг» со стороны начинающих специалистов создал для них угрозу «застревания» на наименее желательных должностях и выполнения некоторых видов работы на безвозмездной основе в постпандемийное время. Для многих участников исследования негативный опыт, связанный с трудоустройством, стал посто-

---

¹ Специалист по управлению персоналом (сокращение от англ. Human Resources или «человеческие ресурсы»). – Прим. ред.

² От англ. precarious и лат. precarium – «сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке», – переход к ненадежным трудовым отношениям, при которых значительно ущемляются социально-трудовые права работника. – Прим. ред.

янным источником тревоги и стресса, а в некоторых случаях приводил к депрессии или паническим атакам [The COVID-19 pandemic ... , 2023].

Похожая ситуация складывалась на рынке труда в США. Наиболее пострадавшей социальной группой среди работающих американцев стала молодежь в возрасте от 16 до 24 лет. Например, за первые месяцы пандемии (март – апрель 2020 г.) недельная зарплата молодых работников уменьшилась почти на треть [Berman, 2020, р. 2].

Основная проблема, с которой столкнулись работодатели в России и за рубежом в периоды локдаунов, – это необходимость перевода существенной части сотрудников на удаленные формы занятости. По мнению экономистов, примерная доля работников, которые безболезненно для себя и организации могут перейти на постоянную удаленную занятость, составляет не более четверти от всего трудового коллектива [Чекмарев, Лукичев, Конев, 2021, с. 333]. Впрочем, некоторые сферы экономики (типа ИТ или научной деятельности) можно признать более адаптированными к подобному переходу. Так, среди работников ИТ-сектора и научных организаций получили распространение в качестве адекватных коронавирусному кризису трудовых стратегий полная и частичная дистанционная занятость (в последнем случае сотрудники посещают офис лишь в случае крайней необходимости).

В последние годы социальные исследователи отмечают, что современная молодежь, в том числе в России, все чаще делает выбор в пользу так называемого калейдоскопного типа карьеры – особой трудовой стратегии, учитывающей «индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [Ядова, 2017, с. 103; Mainiero, Sullivan, 2006]. Поскольку нестандартная занятость предполагает гибкое совмещение различных форматов работы, чередование учебы и работы и пр., можно предположить, что в условиях локдаунов подобная гибкость рабочего режима стала «сильным» и полезным индивидуально-личностным ресурсом, помогающим приспособиться к новым реалиям коронавирусной повседневности.

Помимо этого, дополнительным конкурентным преимуществом в условиях пандемии можно считать цифровую грамотность. Напомним, что к цифровым поколениям исследователи традиционно относят миллениалов (от лат. *millennium* – тысячелетие) и центениалов (от англ. *centennial* – столетний): взросление первых, родившихся в 1980–1990-е годы, пришлось на рубеж веков, вторых можно считать ровесниками XXI в., и они только вступают во взрослую жизнь. Несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться современной молодежи, результаты ряда социальных исследований подтверждают, что эта социально-возрастная группа в целом оказалась готова к вызовам пандемии COVID-19, особенно наиболее вовлеченная в процессы цифровизации ее часть – сильноресурсные жители больших городов. У тех, кто освоил даже минимальный набор цифровых навыков, в периоды вынужденной самоизоляции появилось

достаточно много возможностей для общения, досуга, работы и преодоления бытовых неудобств [Ядова, 2023, с. 31].

Для России характерен значительный поколенческий «цифровой разрыв». Однако период пандемии способствовал его преодолению, так как обстоятельства жизни буквально вынудили представителей старших поколений соприкоснуться с новыми технологиями.

Отечественный социолог и экономист В.В. Радаев в своей книге, посвященной российским миллениалам и их влиянию на трансформацию общества, приводит интересные данные о цифровой компетентности разных поколений россиян в «доковидные» годы [Радаев, 2019]. Напомним, что, по разработанной им классификации, на сегодняшний момент в России представлено пять поколений. Они выделяются на основании исторических условий, которые были решающими при вступлении представителей этих поколений во взрослую жизнь. Формативный период мобилизационного поколения пришелся на 1941–1956 гг., поколения оттепели – на 1956–1964 гг., поколения застоя – на 1964–1984 гг., реформенного поколения – на 1985–1999 гг., поколения миллениалов – на 1999–2016 гг. Центениалы в силу юного возраста пока в эту классификацию не попали.

В.В. Радаев проанализировал и классифицировал имеющиеся в открытом доступе данные об уровне цифровой компетентности представителей разных российских поколений до пандемии (табл. 1). Ожидаемо опережают всех миллениалы: в этой группе около 80% выходят в Интернет с мобильных устройств, еще больше (86%) проводят время в социальных сетях, каждый второй имеет опыт совершения онлайн-покупок [Радаев, 2019]. Не сильно отстают от них представители реформенного поколения, которые начали взаимодействовать с цифровой средой в зрелом возрасте [Ядова, 2023, с. 32]. Скорее всего, постпандемийные условия жизни способствовали сокращению «цифрового разрыва» между этим поколением и миллениалами. Достаточно уверенно в цифровой реальности чувствуют себя представители поколения застоя: около трети из них пользуются мобильным Интернетом, а больше половины взаимодействуют в социальных сетях. Достаточно слабую интернет-активность до пандемии демонстрировали представители поколения оттепели и мобилизационного поколения. Лишь некоторые из них считали необходимым пользоваться мобильным Интернетом (20 и 11,4% в обеих группах соответственно), проводить время в социальных сетях (35,2 и 18,9% соответственно), совершать покупки онлайн (29,6 и 17,6% соответственно). Судя по всему, российское мобилизационное поколение большей частью потеряно для освоения новых технологий: преодолеть цифровой барьер в состоянии лишь малое число пожилых россиян старше 80 лет (эти «оригиналы», как правило, относятся к сильноресурсной страте). Отметим, что из новых цифровых практик наибольший интерес у всех поколений вызывают социальные сети. Это свидетельствует о том, что старшие поколения россиян оценили преимущества онлайн-общения и не редко нуждаются в нем [Ядова, 2023, с. 32].

Таблица 1

**Использование Интернета представителями
российских поколений (за последний год),
% от пользователей Интернета, N=14 943, 2016 г.***

Поколения россиян	Выходили в Интернет с мобильных устройств	Совершали онлайн-покупки	Посещали социальные сети
Миллениалы	79,8	48,7	86,1
Реформенное поколение	59,9	42,9	69,3
Поколение застоя	32,3	29,7	55,4
Поколение оттепели	20	29,6	35,2
Мобилизационное поколение	11,4	17,6	18,9

*Источник: [Радаев, 2019, с. 81].

Анализ более свежих данных Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ (2019–2021) показал, что в период пандемии цифровые навыки россиян в целом улучшились. Однако сильного расширения интернет-аудитории исследователи не зафиксировали, а разрыв в уровне владения цифровыми навыками между наиболее продвинутой частью молодежи (особенно в когорте 15–24-летних) и старшими возрастными группами даже усилился [Попов, 2022]. По мнению специалистов, вовлечение старших поколений в цифровую среду сдерживается «ограниченным спросом на цифровые технологии в повседневной практике» [Попов, 2022, с. 3]. Даже в период пандемии половина россиян в возрасте 65–74 лет и почти 85% в подвыборке тех, кто старше 75 лет, оказались выключены из онлайн-среды (не пользовались Интернетом) [Попов, 2022, с. 3].

В 2020 г. автором настоящей статьи было проведено социологическое исследование, в рамках которого изучались адаптационные стратегии представителей постсоветской молодежи в период пандемии COVID-19. Исходное предположение состояло в том, что присущая молодежи цифровая компетентность потенциально делает ее одной из наиболее адаптированных к пандемийным реалиям социальных групп в России. На основе результатов 20 индивидуальных полуформализованных глубинных интервью с молодыми людьми (18–34 лет) были выявлены используемые информантами в период карантина социальные практики, прежде всего с привлечением интернет-технологий. Интервью проводились с апреля по сентябрь 2020 г. по специально разработанной методике, их участниками стали 11 юношей и 9 девушек. Интервьюирование в зависимости от пожеланий и возможностей респондентов осуществлялось по телефону или в электронном формате (по электронной почте, в социальных сетях, с использованием программ для обмена мгновенными сообщениями –WhatsApp, Skype и т.п.). При отборе

информантов применялся метод «снежного кома». В исследовании участвовали жители Москвы и Московской области¹ (студенты или выпускники вузов, молодые специалисты), располагающие достаточно «сильным» набором социальных ресурсов [Ядова, 2023, с. 32–33].

Участников проекта спрашивали об отрицательных и положительных изменениях в их жизни в связи с введением карантина, выбранных ими стратегиях адаптации, приобретенных навыках и практиках, в том числе тех, которые, по мнению информантов, были бы им полезны и в «мирных» обстоятельствах и т.п.

Многие информанты, несмотря на очевидные отрицательные эффекты пандемии и самоизоляции, посчитали необходимым отметить положительные стороны локдаунов. Это свидетельствует о попытке молодежи не только преодолевать трудности, связанные с пандемией, но и управлять новой реальностью. Одни участники исследования отмечали высвободившееся время «на саморазвитие» (творческие хобби, чтение, виртуальные прогулки по музеям, занятия иностранными языками, освоение полезных компьютерных программ) и отдых (онлайн-общение, просмотр фильмов, компьютерные игры). Другим карантин дал возможность завершить дела, на которые раньше не было времени. Кто-то стал заниматься волонтерской деятельностью или записался на онлайн-курсы, начал делать ремонт на даче. Практически у каждого участника исследования появились любимые онлайн-практики и хобби, которые им хотелось бы оставить в своей жизни и после окончания пандемии COVID-19. Прежде всего речь идет об онлайн-покупках, онлайн-обучении и общении в Zoom. Несмотря на адаптивную гибкость большинства информантов, несколько опрошенных признались, что хорошее владение цифровыми технологиями не дало им значительных преимуществ перед старшими поколениями и не сильно защитило от трудностей, связанных с пандемией. Впрочем, никто из информантов не сказал, что в итоге ему не удалось справиться с этими трудностями [Ядова, 2023, с. 32–33].

Рассмотрим несколько стратегий, с помощью которых участники исследования пытались адаптироваться к пандемии. Как оказалось, достаточное распространение получили уловки по обману пропускной системы: одни выходили на прогулку как будто бы «в магазин», другие старались выходить на улицу ранним утром, когда полиции еще нет на улицах («*не просто наладил режим, а появилась привычка встречать рассвет*»). Например, аспирант московского вуза, чья подработка была связана с частыми поездками по городу, признался в попытке обмана введенной в столице системы пропусков: он выписывал пропуск на машину для поездки в ближайшую больницу. Для части интервьюируемых период вынужденной самоизоляции почти не ухудшил их жизнь и стал временем творческих /

---

¹ Именно здесь весной-летом 2020 г. были введены ограничения на передвижения и домашний режим самоизоляции.

жизненных поисков. Прежде всего речь идет о молодых предпринимателях в сфере ИТ. Один из участников проекта, 32-летний программист, сообщил, что в период карантина парадоксальным образом стал больше времени проводить «оффлайн»: «*Поскольку в виртуальную реальность я не переходил (я и так с ней связан по работе), то и каких-то новых навыков там не приобрел. Зато приобрел новые навыки по ведению сельского хозяйства и огородничества, дачного строительства, до этого никак руки не доходили, а во время карантина появилась возможность большие жить на даче. Я не стал настоящим сельским жителем, но жизнь на природе стала частью моей жизни, "философией жизни", если угодно. И вряд ли я откажусь от этого тогда, когда пандемия закончится*». Практически у всех опрошенных было заметно желание не просто адаптироваться к вызовам пандемии, а выйти из этой борьбы не только с меньшими потерями, но даже с небольшим выигрышем («*после потери прежней работы нашла работу с возможностью удаленки, она гораздо круче*», «*подтянул немецкий язык до B2*», «*почти дописал диссертацию*» и пр.)

Помимо этого, по результатам некоторых зарубежных исследований, статус дополнительного «антипандемийного» ресурса для молодежи приобрело виртуальное общение и наличие онлайн-друзей. Нахождение же одновременно в условиях реальной («карантинной») и виртуальной изоляции чревато стрессовыми расстройствами [Orben, Tomova, Blakemore, 2020].

Современное общество отличает префигуративный тип культуры. Это означает, что жизненные стратегии молодых поколений нередко становятся нормативной моделью для более старших. Кроме того, результаты исследования американского социолога и политолога Р. Инглхарта [Inglehart, 1990] свидетельствуют о том, что в странах, переживающих сильные социальные изменения, взгляды и ценности молодежи со временем не «растворяются», а начинают доминировать. Данные положения теоретически обосновывают повышенное внимание к жизненному выбору и адаптационным стратегиям представителей новых поколений.

Заключение

Как продемонстрировали приведенные выше результаты социологических и социоэкономических исследований, для многих представителей новых (молодых) поколений в России и за рубежом пребывание в режиме самоизоляции стало временем не только ограничений, но и новых возможностей. Некоторые из них, сумев встроиться в новую реальность и освоив ряд полезных онлайн-практик, перешли на удаленный или иначе адаптированный к последствиям пандемии режим работы. В то же время часть молодежи столкнулась с потерей работы, финансовыми трудностями или понижением своего социопрофессионального статуса. Большое значение в период коронавирусного кризиса приобрело владение цифровыми навыками. Хорошо интегрированная в цифровую среду молодежь сумела

приспособиться к вызовам новой коронавирусной повседневности (а в ряде случаев даже управлять ими). Этот опыт может быть полезен представителям как старших, так и следующих поколений.

Список литературы

1. Попов В.Е. Как пандемия повлияла на уровень цифровых навыков россиян // Цифровая экономика. – 2022. – 26.07. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/704024171.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
3. Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Конев П.А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 329–340.
4. Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. – 2017. – № 2. – С. 91–104.
5. Ядова М.А. Повседневные практики горожан в условиях пандемии COVID-19: российский и зарубежный опыт // Социология города. – 2023. – № 4. – С. 27–36.
6. Berman Y. The Distributional Short-Term Impact of the COVID-19 Crisis on Wages in the United States // MPRA. – 2020. – 19.05. – URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/100466/1/MPRA_paper_100466.pdf (дата обращения: 25.11.2023).
7. Collapse & Recovery: How COVID-19 Eroded Human Capital and What to Do About It // The World Bank. – 2023. – 16.02. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital/publication/collapse-recovery-how-covid-19-eroded-human-capital-and-what-to-do-about-it> (дата обращения: 25.11.2023).
8. ILO: An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis. – 2021. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 25.11.2023).
9. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990. – 484 p.
10. Mainiero L.A. The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers. – Mountain View (CA) : Davies-Black, 2006. – 400 p.
11. Orben A., Tomova L., Blakemore S.J. The effects of social deprivation on adolescent development and mental health. Blakemore // The Lancet Child and Adolescent Health. – 2020. – N 4(8). – P. 634–640.
12. The COVID-19 pandemic and youth in recent, historical perspective: more pressure, more precarity / MacDonald R., King H., Murphy E., Gill W. // Journal of Youth Studies. – 2023. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2022.2163884?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 25.11.2023).
13. Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being : Survey Report. – Geneva : ILO, 2020. – 50 p.

Статья получена: 20.12.2023

Одобрена к публикации: 10.01.2024